

Заповідна Хортиця

МАТЕРІАЛИ ІV МІЖНАРОДНОЇ
НАУКОВО-ПРАКТИЧНОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ
«ІСТОРІЯ ЗАПОРІЗЬКОГО КОЗАЦТВА:
В ПАМ'ЯТКАХ ТА МУЗЕЙНІЙ ПРАКТИЦІ»

СПЕЦІАЛЬНИЙ ВИПУСК

Міністерство культури і туризму України
Національний заповідник «Хортиця»

Заповідна Хортиця

Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції
«Історія запорозького козацтва: в пам'ятках та музейній практиці»

СПЕЦІАЛЬНИЙ ВИПУСК

Збірка наукових праць

Запоріжжя 2010

ББК 63.3 (4 Укр-4Зап) 4-294
УДК 94 (477.64)

I 90

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

М.А. Остапенко (голова редакційної колегії), О.Є. Борисенко, О.В. Коновалова, С.В. Копилова (відповідальний редактор), Т.М. Лисенко, О.П. Мірущенко, С.П. Моїсєнко, О.Л. Пачковська.

I 90

Заповідна Хортиця. Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Історія запорозького козацтва в пам'ятках та музейній практиці». - Спеціальний випуск. - Запоріжжя: A&V.Art GROUP. 2010.

В спеціальному випуску наукового видання «Заповідна Хортиця» зібрані матеріали доповідей та повідомлень IV міжнародної науково-практичної конференції «Історія запорозького козацтва в пам'ятках та музейній практиці», в яких висвітлюються актуальні питання козацькознавчих студій. Опубліковані в збірнику статті розраховані на науковців і всіх, хто цікавиться історичним минулим українського народу.

ББК 63.3 (4 Укр-4Зап) 4-294
УДК 94 (477.64)

Ухвалено рішенням науково-методичної ради Національного заповідника «Хортиця» (протокол № 7 від 7.09.2010 р.).

Відповідальний за випуск: ПП В.І. Антіпов

України «Про охорону культурної спадщини», Закону України «Про охорону археологічної спадщини» та міжнародних документів, ратифікованих Україною в першу чергу, Конвенції про охорону підводної культурної спадщини;

- налагодження організаційної структури органів виконавчої влади, які мають безпосереднє відношення до охорони пам'яток археології;

- значну фінансову допомогу в організації експедицій можна отримувати від археологічного туризму.

Слід згадати і про позитивні моменти для охорони підводної культурної спадщини: у 2004 р. Інститутом археології НАН України створено спеціалізовану державну установу, завдання якої – розвиток в Україні підводної археології (Департамент підводної спадщини України). З 2005 р., відповідно до затвердженої Вченою Радою Інституту археології програми досліджень, розпочато планові підводно-археологічні експедиції з метою паспортизації зареєстрованих і нововідкритих пам'яток підводної спадщини України [4].

Список використаних джерел та літератури

1. Микола Метьюлкін. Археологія «чорна» чи «біла» // <http://www.dt.ua>.
2. Закон України «Про охорону культурної спадщини» // Правова охорона культурної спадщини. Нормативна база: Зб. Документів (2-е видання) / Автори-упорядники: Левада М.Є., Пархоменко М.Т., Титова О.М. – К.: Видавництво ХІК, 2006. – С. 158-189.
3. Закон України «Про охорону археологічної спадщини» // Правова охорона культурної спадщини. Нормативна база: Зб. Документів (2-е видання) / Автори-упорядники: Левада М.Є., Пархоменко М.Т., Титова О.М. – К.: Видавництво ХІК, 2006. – С. 190-202.
4. <http://dps-ia.kiev.ua/History.php>.
5. Європейська конвенція про охорону археологічної спадщини // Правова охорона культурної спадщини. Нормативна база: Зб. Документів (2-е видання) / Автори-упорядники: Левада М.Є., Пархоменко М.Т., Титова О.М. – К.: Видавництво ХІК, 2006. – С. 38 – 46.
6. Прибега Л.В. Україна в контексті міжнародної системи охорони культурної спадщини / Пам'ятки історії та культури України: Каталог довідник. Зошит І. – К., 2005. – С. 108-109.
7. Охорона культурної спадщини: Збірник міжнародних документів. – К., 2002. – С. 78-82.
8. Międzynarodowe zasady ochrony i konserwacji dziedzictwa archeologicznego/ Wybrał i opracował Zbigniew Kobyliński. – Warszawa, 1998 – 300 s.
9. Конвенція про охорону підводної культурної спадщини // Правова охорона культурної спадщини. Нормативна база: Зб. Документів (2-е видання) / Автори-упорядники: Левада М.Є., Пархоменко М.Т., Титова О.М. – К.: Видавництво ХІК, 2006. – С. 64 – 83.
10. Міжнародні засади охорони нерухомої культурної спадщини – К, 2008. – С. 94-98.

Свистун Г.Є.
г. Харків

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧУГУЕВСКОЙ КРЕПОСТИ

Чугуевское городище, расположенное на коренном мысе высокого правого берега Северского Донца в историческом центре г. Чугуева (Рис. 1), относится к тем памятникам археологического наследия, которые отражают сложные этнокультурные процессы, происходившие на землях Слобожанского края на протяжении многих столетий.

Несмотря на впечатляющую законодательную базу в условиях нынешнего процесса накопления капитала, бурно развивающейся строительной деятельности рассматриваемому нами Чугуевскому городищу угрожает масштабное разрушение. Помимо антропогенного фактора, серьезную угрозу памятнику археологии представляют прогрессирующие эрозийные процессы, приводящие ежегодно к серьезным потерям культурных площадей – из года в год в пойму реки Северский Донец происходят обвалы массивов грунта. Именно поэтому возрастает значение научно-спасательных и превентивных археологических исследований городища.

Во второй половине XVI ст. начинается промысловое освоение данных территорий. В 1596 году Чугуево городище было обследовано тремя царскими исследователями, доложившими в Разрядный приказ, что городище «некрепко и неугодно» [7, с.500, 501]. В «Росписи польским дорогам» упоминается приказ царя Фёдора Иоанновича, в котором повелевалось «город поставить на Донце, на Сиверском, на Чугуевом городище» [2, с.4]. В 1626 году царь Михаил Фёдорович в письме воеводе князю Тюфякину выражает желание построить на данном месте дерево-земляную крепость [14, с.23]. Закрепиться на стратегически важном Чугуевском городище удалось лишь в 1638 году силами отряда украинских казаков совместно с московскими служилыми людьми под предводительством Якова Острияна, бежавшего на земли Московского царства от преследований правительством Речи Посполитой. Всего вместе с семьями первых поселенцев было около 3 тысяч человек.

Чугуевское городище в разное время осматривали и производили попытки его культурно-хронологического и военно-стратегического определения ряд исследователей. Наиболее ранняя попытка осмысления памятника принадлежит В.В. Пасеку. Он изначально верно определил стратегическую направленность фортификации, указав, что крепость была призвана контролировать проникновение противника с левого на правый берег Северского Донца [5, с.197-199].

Более подробные сведения, касающиеся характера укреплений и культурных отложений Чугуевского городища, содержатся в труде Филарета (Д.Г. Гумилевского) «Историко-статистическое описание Харьковской епархии», «Дополнениях к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией...» [4, с.291; 13, с.171-173] и др.

С.А. Плетнёва, производившая в 1957 г. тотальные разведки вдоль русла Северского Донца, отметила наличие на мысовой площадке фрагментов расписной и поливной керамики XVII в. [6, с.8, 9].

Первая археологическая экспедиция на памятнике, проходившая под руководством Л.И. Бабенко, была организована лишь в 1996 г. Небольшими силами экспедиции было заложено три разведочных шурфа. В результате были выявлены культурные отложения, относящиеся к двум временным периодам – раннему (салтово-маяцкая археологическая культура сер. VIII – нач. X вв.) и позднему средневековью (эпоха освоения Слобожанского края украинскими и русскими переселенцами XVII, XVIII вв.) [1].

Спустя восемь лет археологическими исследованиями данного памятника и прилегающей к нему территории занялся автор этих строк. Результатами проведённой работы, помимо прочего, стали: уточнение границ уже известного городища; привязка к существующей местности трасс прохождения оборонительных сооружений как раннего, так и позднего средневековья и выяснение их конструктивных особенностей; освещение вопросов, связанных со строительством жилых и хозяйственных построек выявленных временных горизонтов.

Всего за последние годы в историческом центре г. Чугуева было исследовано 476 кв. м культурного слоя. В целом площадь проведённых исследований очень незначительна, но, учитывая большую мощность напластований функционирующего города, которые перекрывают археологические слои и с которыми столкнулись в своей работе археологические экспедиции, объёмы проведённых работ можно считать удовлетворительными.

Всего, кроме четырёх разведочных шурфов (три в 1996 г. и один в 2005 г.) [1; 11, с.26, 27], на памятнике было заложено три раскопа – раскоп № 1 в северо-западной части городища, где исследовались главным образом оборонительные сооружения (2005-2007 гг.) [9, с.10-15; 10, с.9-11; 11, с.23-26]; раскоп № 2 в юго-западной части, где были выявлены остатки разновременной жилой застройки (2006 и 2007 гг.) [9, с.16-30; 10, с.12-48] и раскоп № 3 (2009 г.) в центральной части, где исследованию подверглись остатки внутренней застройки археологического памятника [12, с.6-45].

Археологическими исследованиями полностью подтверждаются свидетельства письменных источников относительно существования старинной каменной крепости ко времени начала колонизации Слобожанщины в XVI-XVIII вв. Позднесредневековая крепость занимала лишь часть мысовой площадки. Укрепления имели близкую к прямоугольнику форму плана с размерами 120×115 сажен (около 256×245 м.). Во время их строительства территория укрепления испытала ряд характерных антропогенных изменений, которые отобразились на ландшафте и прослеживаются до настоящего времени. К сожалению, застройкой и перепланировками разных лет фортификация городища была в значительной мере уничтожена. Границы цитадели фиксируются на поверхности лишь обрывами коренного мыса, на котором построено Чугуевское городище, и остатками старых рвов, которые фрагментарно сохранились, превратившись в силу эрозийных процессов в овраги (Рис. 1).

Выстроенную крепость защищали естественные препятствия с западной, восточной и северной сторон: с востока – крутой, высокий берег р. Северский Донец, с запада – глубокий овраг (тылы усадеб современной ул. Кожедуба), с севера – высокий берег р. Чуговки. Продолжением городищенского мыса на юге служит плоская широкая возвышенность. Обмеры Чугуевской горы, осуществлённые руководителем строительства дворянином Максимом Лодыженским в 1639 году, дают нам следующие данные: «...горой вниз к реки Донца 30 сажен, а с другой стороны от дола вверх 40 сажен, а с 3-ю сторону 12 сажен, а с 4-ю сторону пришло место плоское» [3, с.295].

Описание крепости начала XVIII ст. даёт представление относительно характера существовавших на тот период укреплений. Согласно описанию 1712 г. Чугуевская крепость имеет 8 башен: 2 с проездными воротами и 6 глухих: с воротами Пречистенскую с южной стороны и Проездную с северной стороны (шестиугольные), серединные Брясловскую и Тайницкую и четыре Наугольные (четырёхугольные). На случай осады в Чугуеве рядом с Тайницкой башней были устроены тайные хода к р. Северский Донец. Длина подземного хода составляла 23 сажени (около 50 м), а в самом тайнике был выкопан колодец глубиной 2 сажени с четвертиной со срубом «дубового леса 20 венцов». Все башни были крытые дранью, то есть колотой доской без дополнительной обработки. Прясла северной и восточной стен имели конструкцию стоящего острога с облами («ставлены палисадом»), а южная и западная имели срубную конструкцию («сотворены клетями»).

О перестройках и ремонтах крепости свидетельствует также изменение количества башен. В 1668 году имелось 9 башен: 3 башни с проездными воротами и 6 башен глухих.

Внутри укреплений были возведены административные, культовые и хозяйственные постройки: Преображенский собор (1639 г.), церковь Рождества Богородицы (до 1647-го г.), воеводский дом, «приказная изба», «кружечный» двор, таможня, соляная и пороховой склады. 710 жилых дворов средним размером 7 на 8 сажен (около 120 кв. метров) образовали посад [9, с.259], который вытянулся в виде сектора на юг от крепости между крутым берегом речки Северский Донец и ручьём Берёзовым (ныне ул. Зелёная Долина). Небольшой размер дворовых участков был обусловлен соображениями безопасности. Город не должен был далеко растягиваться от острога. В результате укреплённая территория получала характер небольшого, компактно спланированного города с радиально-кольцевым планированием, которое наиболее отвечало роли Чугуева как крепости – форпоста на южных границах Русского государства. Нерегулярное планирование города подчинялось рельефу местности. Постепенно вокруг острога строились

пригородные слободы, которые служили постоянным местожительством для большинства горожан.

Кроме территории, окруженной тыновой стеной с башнями, существовал еще укрепленный посад. Для защиты посада существовал вал, который тянулся вдоль современной улицы Пролетарской. Он обозначен на старинных картах как «мало приметный старый вал». Систему и конструкцию этих оборонительных сооружений пока установить не удалось.

В конце первой трети XVIII ст. в силу дальнейшего укрепления южных границ Чугуевская крепость в основном теряет своё стратегическое значение как пункт контроля дороги, которая проходила через нее вглубь государства и как передовой форпост относительно колонизации южных земель в долине Северского Донца. В соответствии с реестром крепостей 1729 года фортификация была переведена в разряд иррегулярных.

На последнем этапе существования крепости её фортификации значительно упростились. Согласно сведений, приведённых Филаретом, защитные стены были уже лишены обломов и представляли собой обычный заострённый кверху частокол [13, с.171].

Представление о характере жилых построек начального периода существования Чугуевской крепости XVII, XVIII вв. дают найденные в раскопах №№ 2 и 3 остатки землянок (Рис. 2). Первая из них (раскоп № 2) представляла собой жилище, рассчитанное на одного человека [10, с.34-42]. Керамика в его заполнении была исключительно московского типа (Рис. 3, 1, 6).

Археологический комплекс представлял собой овальный в плане котлован, который под небольшим углом был углублен в грунт на 2,05 м. от уровня фиксации (Рис. 2, 1). В верхней части размеры выявленной ямы достигали 2,7×2,25 м. На уровне пола ее размеры составляли 2,0×1,6 м.

Грунтовой пол был приспособлен своим профилем к человеческой фигуре, образуя более комфортную лежанку для хозяина постройки.

По краям дна землянки фиксировались четыре столбовых ямки, которые в плане образовывали прямоугольник. Данные конструктивные элементы при условии малого углубления в материковый пол должны были иметь по верху обвязку, которая закрепляла бы их. Также на уровне дневной поверхности был зафиксирован тонкий горелый пласт, представлявший собой остатки плетеной из тонких ветвей конструкции. Она имела прямоугольное отверстие с приблизительными размерами 40×40 см. над расположенным ниже отопительным устройством. Вероятно, данная плетеная конструкция крыши имела конусовидную форму.

Вполне вероятным представляется наличие во время эксплуатации постройки облицовки грунтовых стен, изготовленной из плетня, с целью закрепления от осыпания пересыхающей поверхности стенок котлована землянки.

Отопительное устройство прямоугольной в плане формы располагалось в западной стенке жилища на материковом остане высотой 40 см. от уровня пола. Его лицевая и боковые стенки были изготовлены путем размещения между деревянными опалубками материковой глины с дальнейшим ее пропеканием, в силу чего данная конструкция приобретала прочность. Об этом свидетельствуют характерные отпечатки волокон дерева на остатках образованных таким способом стенок отопительного устройства. Толщина пропеченных стенок колебалась от 2 (боковые) до 3,5 см. (передняя).

В середине развала отопительного устройства фиксировалось большое количество золы, фрагменты керамики московского типа, кости животных и фрагменты мелких железных вещей (Рис. 3, 2-4). С северной стороны от глинобитной печи на высоте 70 и 100 см. от пола в материке были вырезаны грунтовые полки. Вход в жилище, по-видимому, находился с южной стороны, где фиксировалась вырезанная в грунте ступенька, на которой было найдено кресало (Рис. 3, 5). Ниже ступени, возможно, находилась лестница в виде бревна с вырубленными ступенями.

Второе жилище было найдено в раскопе № 3 [12, с.22-25] (Рис. 2, 2). В заполнении котлована постройки присутствовала преимущественно украинская керамика (Рис. 3, 8, 10, 13, 15) и в значительно меньшем количестве керамика московского типа (Рис. 3, 7, 12, 17). Это даёт основания говорить о том, что его хозяином являлся, вероятнее всего, этнический черкас – украинец. Как следствие мы имеем возможность сравнить быт двух основных этнических составляющих колонизационного процесса по освоению Дикого Поля на примере ранних поселян Чугуевской крепости.

Котлован жилища представлял собой овальную в плане яму глубиной 1,85 м от уровня фиксации максимальными размерами по верху 2,15×2,95 м. Стенки имели незначительное сужение по направлению ко дну постройки. В верхней части котлован переходил в широкую округленно-подпрямоугольную яму (верхняя камера) глубиной 45-60 см от уровня фиксации общими максимальными размерами по линии юг-север и запад-восток 3,10×5,25 м. Видимых границ в заполнении ямы между верхней и нижней камерами не прослеживалось. Из овальной в плане ямы (нижней камеры) в пространство верхней камеры выходила обожженная глиняная масса. В нижней камере она находилась вдоль западной стены комплекса и представляла стенку отопительного устройства – камин. Прямоугольный в плане топливник печи был сооружен из глины. В целом после обжига глиняных стенок он представлял собой монолитную конструкцию. Он размещался на материковом остане и имел в плане прямоугольную форму общими размерами сторон ≈ 85-90×35-40 см. В высоту камера топливника, заполненная золой, прослеживалась на высоту ≈ 55-60 см. В его густом зольном заполнении находились кости животных, фрагменты посуды, курительных трубок (Рис. 3, 14, 16), разных костяных и металлических изделий, среди которых можно выделить миниатюрный железный топорик (Рис. 3, 11).

Скорее всего, изначально под жилище была вырыта полностью углублённая в грунт землянка. На позднем этапе своего существования жилище было перестроено в полуземляночное сооружение.

Выход из помещения нижней камеры фиксировался в виде вырезанных в грунте ступенек в северной части котлована. В качестве нижней ступеньки служил подпрямоугольный песчаниковый камень. Вдоль восточной стенки фиксировалась вырезанная в материковом грунте полка.

В южной части западной стены был обнаружен подбой, в котором были найдены полый ребристый шар из стекла (Рис. 3, 9), кубышка с надбитым верхом (Рис. 3, 7) и рядом с ней на дне ямы несколько серебряных монет времени правления Михаила Фёдоровича Романова. По всей видимости, был обнаружен опустошённый тайник хозяина жилища.

В основных чертах размеры, конфигурация котлованов, расположение и конструкция отопительных устройств исследованных землянок во многом аналогичны. Данные жилые постройки относятся к начальному периоду заселения Чугуевского городища в позднем средневековье и отображают условия быта строителей Чугуевской крепости. Из письменных источников известно, что первопоселенцы приходят на Чугуевское городище осенью. Переселение именно в эту пору года было продиктовано тем, что на время холодов татары откочёвывали на зимники, которые располагались на юге – в приазовских степях. Срок, отведенный на закрепление на Чугуевском городище, был ограничен весенним потеплением, с которым должны были возвратиться татары. Поэтому все силы были сконцентрированы на постройке укреплений и обустройству жилья отводилось наименьшее внимание.

Подобные найденным в Чугуеве жилища русские первопроходцы и казаки называли землянухами или шишами (от формы крыши). Они служили временным, сезонным жильём на ещё необустроенных, осваиваемых землях и являлись одним из самых ранних типов казацкого жилья [8, с.41, 42, 230-233].

Список используемых источников и литературы

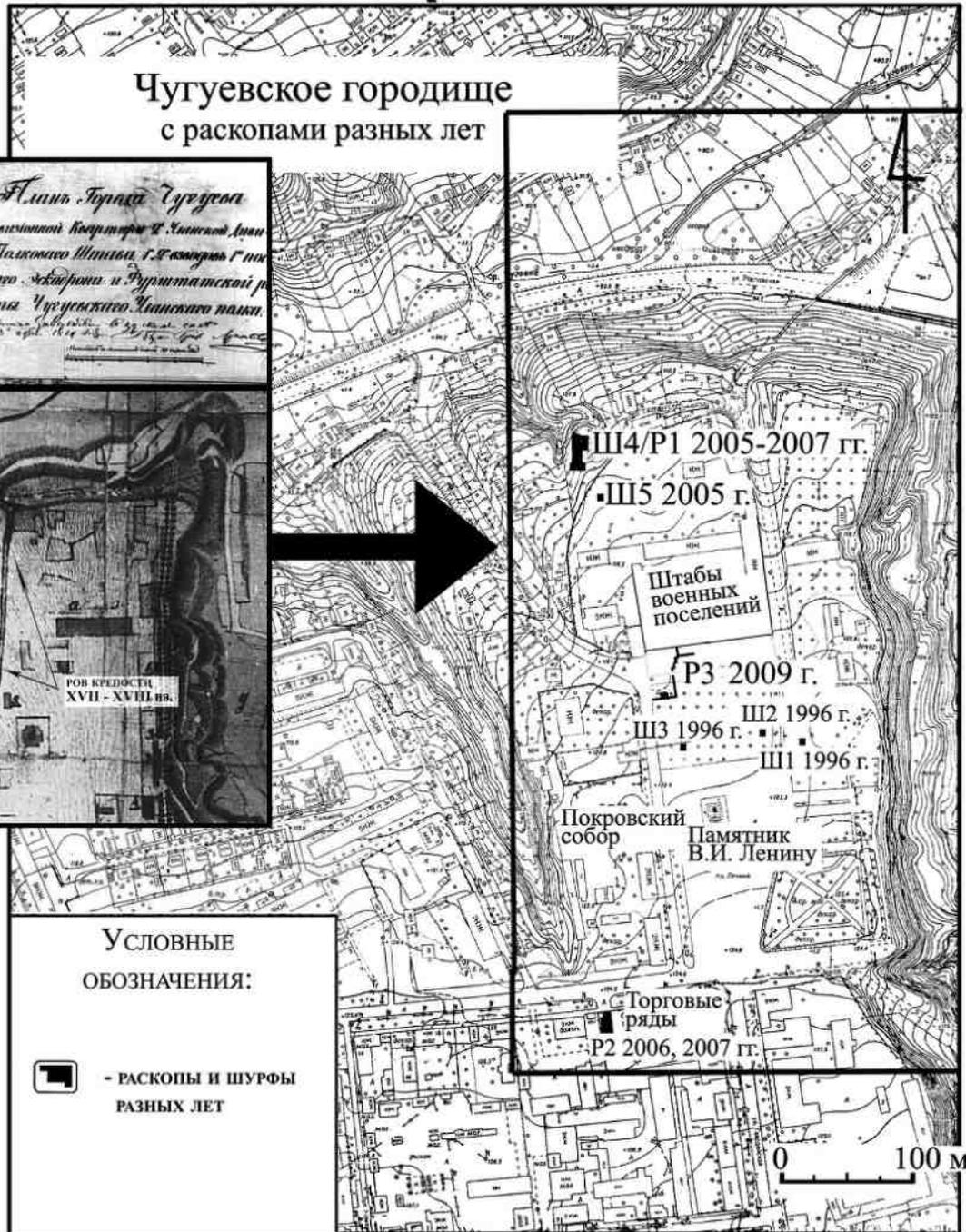
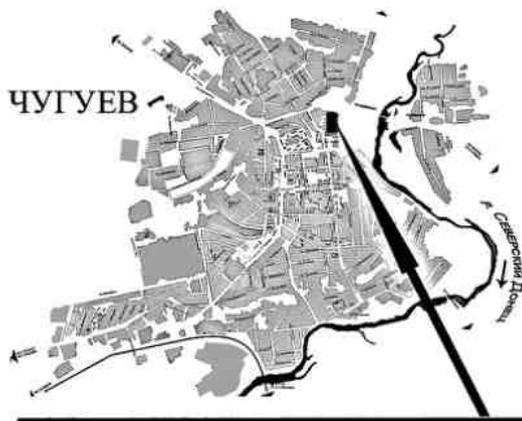
1. Бабенко Л.И. Отчет о работе археологической экспедиции Харьковского исторического музея в полевом сезоне 1996 г. // НА ИА НАН Украины. – № 1996/64.
2. Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губернии) в XVI-XVIII ст., собранные в разных архивах и отредактированные Д.И. Багалеем. Харьков, – 1886.
3. Воссоединение Украины с Россией Документы и материалы в 3-х томах. – Москва, 1953. – Т.1.
4. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею... – С.-Петербург, 1875. – Т. IX.
5. Пассек В.В. Границы Южной Руси до нашествия татар // Очерки России, издаваемые В. Пассеком. – Москва, 1840. – Т. 2. – С. 195-216.
6. Плетнёва С.А. Отчёт к открытому листу № 8 Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1957 г. / НА ИА НАН Украины – № 1957/17.
7. Разрядная книга 1475-1598. – Москва, 1966.
8. Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. – Волгоград, 2002.
9. Свистун Г.Е. Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И.Е. Репина в 2006 г. / НА ИА НАН Украины. – № 2006/30.
10. Свистун Г.Е. Отчёт о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И.Е. Репина в 2007 г. на территории г. Чугуева / НА ХММ И.Е. Репина. – Фонд 14. Описание 1. Дело 7.
11. Свистун Г.Е. Отчет об археологических раскопках и разведках в лесостепной зоне долины Северско-го Донца в 2005 г. / НА ИА НАН Украины. – № 2005/34.
12. Свистун Г.Е. Отчёт о проведении охранных археологических исследований на Чугуевском городище и Кочетокском могильнике в 2009 году/ НА ХММ И.Е. Репина. – Фонд 14. Описание 1. Дело 8.
13. Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии в 3-х томах – Харьков, 2005. – Т.2.
14. Хлебников Б.В. История 32-го драгунского Чугуевского Её Величества полка 1613-1893. – С.-Петербург, 1893.

Шалобудов В.М.
м. Дніпропетровськ

НУМІЗМАТИЧНІ КОЛЕКЦІЇ В ДАТУВАННІ КОЗАЦЬКИХ ПАМ'ЯТОК ОРІЛЬСЬКО-САМАРСЬКОГО МЕЖИРІЧЧЯ

З давніх часів Орільсько-Самарське межиріччя приваблювало до себе людей. Це пов'язано з природньо-кліматичними умовами та зручним географічним положенням. Не припинялася життєдіяльність тут і в складні часи розпаду Золотої Орди та під час зародження козацтва. Ще десять років тому ця територія була білою плямою на нумізматичних картах України. У фундаментальних працях таких відомих дослідників як М.Ю. Брайчевський, В.В. Кропоткін та М.Ф. Котляр, котрі ретельно фіксували знахідки скарбів та поодиноких монет з античних часів до початку XIX ст., Орільсько-Самарське межиріччя майже не згадується [3, с. 127; 7, табл. 1-9; 8, с.54].

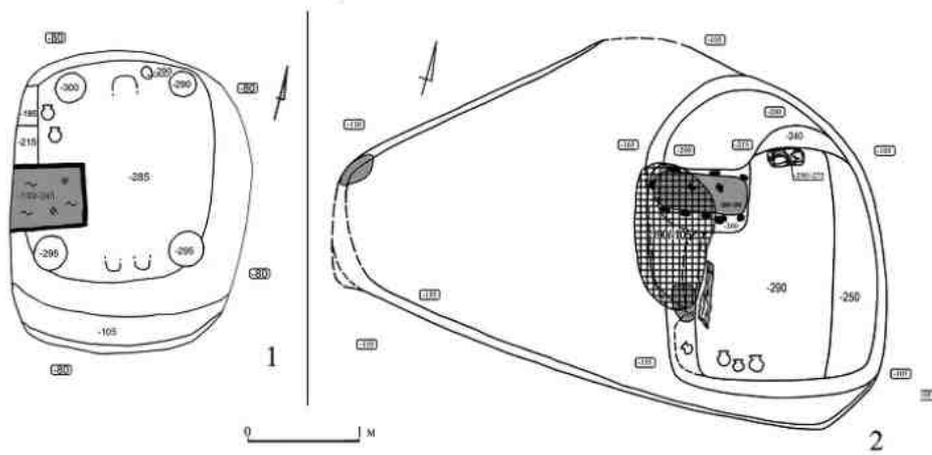
Лише в краєзнавчому нарисі дніпропетровських аматорів В.В. Бінкевича та В.Ф. Камеко подаються деякі давньоруські, золотоординські та російські монети, знайдені ними в 60-х роках XX ст. на Ігреньському півострові [2, с. 15, 16]. Ситуація змінилась тільки з 2001 р., коли співробітниками науково-дослідної лабораторії археології Придніпров'я ДНУ почались систематичні дослідження Новобородицької (Богородицької) фортеці в Нижньому Присамар'ї та пошук місцезнаходження старовинного козацького містечка Самарь [4, с. 190-221]. Саме нумізматичні знахідки значною

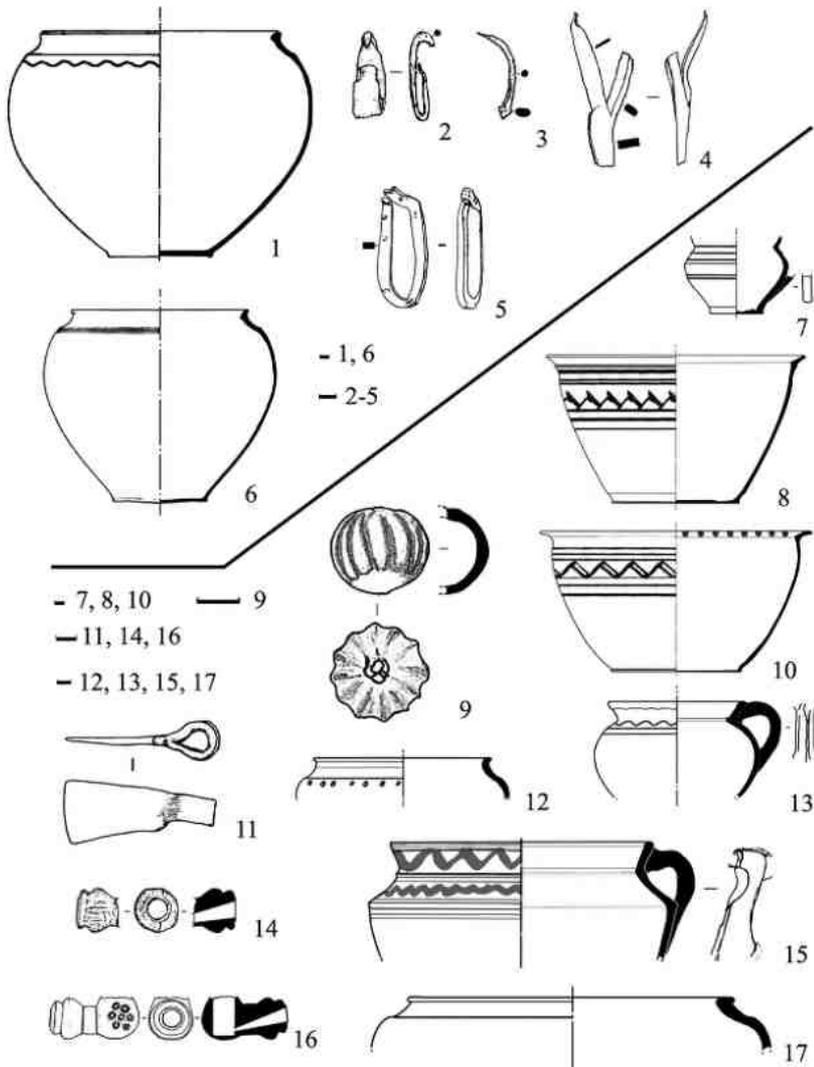
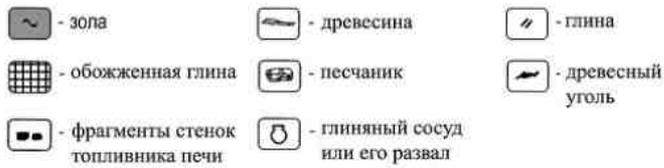
1

Ілюстрація до статті Свистуна Г.Є.

2. Чугуевское городище на старинном плане 1814 г. и современном плане г. Чугуева с нанесением раскопов разных лет.

Условные обозначения:

3

Ілюстрації до статті Свистуна Г.Є.

2. Плани землянок XVII в.

3. Находки из заповнених землянок XVII в.